
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

О.Ю. Бондарь

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В данной статье в рамках философского анализа автор стремится раскрыть комплексность и многомерность современного этапа глобализации, выявить противоречия и издержки глобальных процессов, ставит вопрос об альтернативных глобализации моделях.

Ключевые слова: альтерглобализм, антиглобализм, глобализация, глокализация, модернизация, общество риска, осевое время, транснационализация места, фрагментация.

В последние десятилетия мир переживает радикальные социокультурные перемены. Неизбежно вовлеченный в них современный человек становится не только очевидцем многообразных и масштабных событий, но их реальным участником. Время поставило его перед рядом вопросов, требующих безотлагательного ответа: что представляет собой общество, в котором он живет; как осмыслить то, что происходит вокруг него; куда он движется?

Поиск ответов — задача нелегкая, ведь речь идет о динамичной и изменчивой современности, ускользающей от всяких определений, которые ограничивают ее свободу рамками слов.

Так или иначе, в своем стремлении осознать, что происходит в современном мире, человек неизбежно сталкивается с таким понятием, как «глобализация» (1).

Трудно найти тему, более актуальную на сегодняшний день.

Своим появлением, которое пришлось на последнюю четверть XX в., глобализация вызвала острые дискуссии в различных сферах общественной жизни. Предметами полемик служит буквально все — само понятие «глобализация», время ее возникновения, соотношение с другими процессами общественной жизни, влияние на развитие планетарной жизни в целом и т.д.

О глобализации сказано и написано достаточно много. Однако обилие мнений, подходов и оценок не дает нам ясности в ее понимании из-за невозможности определить комплекс процессов, ее характеризующих.

Понять сущность глобализации невозможно без обращения к ее истории, к предпосылкам, подготовившим ее появление. В исследовании этого вопроса [6. С. 8—31] можно выделить два подхода.

Сторонники первого подхода видят глобализацию как непрерывный процесс межкультурного взаимодействия, последовательно менявший свои исторические формы: архаическую (охватывающую доиндустриальную эпоху), прототипную (XVI—XVIII в.), модерную (период после XVIII в.) и постколониальную (середина XX в.).

В этом контексте глобализация предстает не как сущностная черта современных процессов, а как некий тривиальный факт перемещения людей и результатов их деятельности по планете.

Результирующей этого подхода стало утверждение, что глобализация есть лишь процесс исторической интеграции различных человеческих сообществ.

В рамках второго подхода глобализация понимается, прежде всего, как присущее современному миру явление, качественно отличное своими процессами от предшествующих исторических эпох: осевого времени — первой волны планетарной интеграции, в которой происходит взаимодействие великих культур древности: Китая, Индии, Греции, Персии и Палестины (период между VIII—II вв. до н.э.); эпохи модернизации (2) (Новое время) — второй волны, когда основной динамической силой мировой истории становится западная цивилизация, собственно и подготовившая мировую систему к тому, что сегодня мы называем глобализацией. Последняя стала третьей волной планетарного единения человечества, исторически новым уровнем его развития.

Сторонники данного подхода заключают, что верное понимание современной нам эпохи, определение ее сущностной характеристики должно идти по пути выявления отличительных черт, а не поиска преемственности или сходства с предшествующими этапами, ведь каждое время живет своей жизнью.

Считая второй подход более приемлемым в решении данной задачи, зададимся вопросом: что отличает глобализацию от предшествующей ей эпохи, т.е. модернизации?

Необходимо отметить, что модернизация (впрочем, как и глобализация) — явление, присущее исключительно западному миру в том смысле, что ее появление было подготовлено рядом обстоятельств, сопряженных в основном с прогрессивным развитием западноевропейской цивилизации.

Открыв уникальные возможности для вырвавшейся вперед Европы, модернизация определила последующий сценарий развития неевропейского ареала.

Европейская цивилизация, осуществившая прорыв в современность, установила тем самым определенную дистанцию между собой и остальным миром, что нашло свое выражение в горизонтах их специфического существования, отраженных в оппозициях политического, экономического и культурного порядка, соответственно, «первый мир — третий мир», «развитые страны — развивающиеся страны», «центр — периферия».

Проект модернизации, будучи беспрецедентным явлением в истории неевропейского ареала, для самой европейской цивилизации выступал не более чем формой проявления экспансионистского характера ее политики. Его исторически ранней формой был проект колонизации, толчком которому, в свою очередь, послужила эра Великих географических открытий.

В действительности колонизация носила не только территориальный характер, но и духовный, что лишало неевропейца права «быть самим собой».

Классифицировав народы на колонизаторов и колонизированных, европейская цивилизация определила сценарий развития судьбы последних: либо капиту-

ликовать перед ней, а значит исчезнуть, быть стертými с лица земли, либо принять в свое цивилизационное лоно ее инновационную модель и ценности, чуждые им по природе.

Преследуя свою цель переделать незападную часть мира по своему «образу и подобию», Запад унифицировал мир, приводя его к единообразию. Понятие «цивилизованное» отождествлялось с понятием «западное», европейское, соответственно, «варварское» — нецивилизованное, неевропейское. Варвар мог стать человеком только лишь через приобщение к благам европейской цивилизации.

Таким образом, в модернизацию западный мир входил тяжело и болезненно. По преимуществу его опыт сводился к внедрению, имплантированию, навязыванию внешних, чуждых ему ценностных образцов и культурных моделей.

Основанием проекта модернизации стал процесс гомогенизации, происходивший за счет поглощения одного культурно-исторического мира другим.

В отличие от модернизации глобализацию характеризует противоположный процесс — гетерогенизации, сопровождающийся локализацией, фрагментацией.

Если есть глобализация, то должна быть локализация, фрагментация.

Взаимообусловленность и взаимодополнение этих процессов описывается понятием «глокализация» (Р. Робертсон), когда локальное образование становится неотъемлемым и необходимым элементом — условием существования глобального образования. Наряду с этим термином в научный оборот вошел и еще один — «фрагмерация» (Дж. Розенау). Он фиксирует сочетание раскола, т.е. фрагментации, с интеграционными процессами, связывающими, соединяющими части в единое целое.

Глобализация маркирует новый способ мироустройства, который осуществляется не с помощью огня и меча, захвата или притязания, а только волей и желанием субъекта развиваться. Глобализация несет с собой не только свободу выбора, но и выбор свободы. Если в модернизацию человека тянули, то в глобализацию, напротив, никто никого не тянет. Каждый вправе решать сам — быть участником глобализации или нет, «быть самим собой» или нет — становится принципом жизни региона, народа, человека.

Модернизация для варварства была исторически неизбежна. Глобализация, напротив, позволяет ее не принимать и оставаться варваром сколь угодно долго. Динамика глобализации обойдет его стороной, не нарушив исторически-инертное состояние, что в контексте модернизации было бы невозможным.

Глобализация представляет собой уникальный случай соседства миров и тенденций: варвар для нее может быть просто не интересен даже с точки зрения его эксплуатации. Единственный интерес, который она может питать к нему — туристический.

Отсюда следует, что каждый имеет возможность утвердиться в условиях глобализации, отстаивая свою самобытность, оригинальность. Другое дело, как: либо раскрыть весь свой творческий потенциал, исчерпать все возможности, либо коснеть в своих отличительных признаках.

Внутренне присущий глобализации процесс раскрепощения частей, предоставив возможность каждому культурно-историческому субъекту определить степень своего участия в нем, а именно — быть открытым, способным к взаимодействию (модель-1) либо закрыться и противодействовать идущим извне процессам (модель-2), ставит его перед дилеммами самоопределения (табл. 1).

Таблица 1

Две модели поведения субъекта

Модель-1		Модель-2
Фрагментация	⇔	Унификация
Многообразие возможностей для самовыражения		Необходимость следования заданным моделям
Самоопределение в условиях отсутствия авторитетов		Наличие устойчивых авторитетов, заданных социальной средой
Стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение		Опора на исторический опыт — опыт народа, общности

Американский социолог Д. Белл, анализируя состояние современного мира, отмечает, что каждая историческая эпоха вырабатывает особый образ жизни человека или «тип взаимодействия» [7. С. 55].

В доиндустриальном обществе (осевое время) жизнь, по Д. Беллу, — это взаимодействие с природой, когда человек использует грубую физическую силу.

В индустриальную эпоху (эпоха модернизации) в техническом и рационализированном обществе, где доминирует машина, жизнь становится взаимодействием с преобразованной природой. В отличие от этих двух эпох жизнь в постиндустриальном обществе (эпоха глобализации) основана на услугах и является взаимодействием с людьми. Главную роль в последнем случае играет не физическая сила, не энергия, а информация. Историческими типами взаимодействия можно считать: «человек — природа», «человек — машина», «человек — человек».

Иначе говоря, некогда человек обеспечивал свое существование возделыванием земли, он полагался только на свою физическую силу. Позже он должен был отвечать требованиям машинного производства. С возникновением постиндустриального общества (общества услуг) предметом труда для большинства стала информация.

Поясним это конкретными примерами: банкиры регулируют денежные потоки, врачи ведут диалоги с пациентами, люди, занятые в рекламной сфере, производят и передают образы и символы, в свою очередь, люди, занятые в сфере образования, передают знания.

Рост количества информации напрямую зависит от роста занятости в сфере услуг.

Доминирующей группой в сфере занятости становятся информационные работники, чья профессиональная деятельность связана с использованием, хранением и обработкой информации. Занятие самым востребованным родом деятельности в современном мире предполагает не только обладание навыком и умением обращаться с техническими средствами, но и постоянно пополнять свой багаж знания.

Историческим типам взаимодействия соответствуют исторические типы труда, а именно: «добывающий», «мануфактурный» и «информационный». Схематически это выглядит так (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие исторических типов взаимодействия исторических типов труда

Волны межкультурного взаимодействия	Осевое время	Модернизация	Глобализация
Исторические типы обществ	Доиндустриальное (традиционное)	Индустриальное (современное)	Постиндустриальное (постсовременное)
Исторические типы взаимодействия	Человек — природа	Человек — машина	Человек — человек
Исторические типы труда	Добывающий	Мануфактурный	Информационный
Движущий обществу ресурс (сектор)	Сельское хозяйство (аграрный сектор)	Индустриальное (материальное) производство	Информация

Сущностной характеристикой постиндустриального мира становится человекоцентричность его аксиосферы. Иными словами, усиливается акцент на субъективном благополучии, качестве жизни отдельного человека.

Поскольку основанием взаимодействия «человек—человек» выступает услуга, то автоматически на первый план выдвигается качество этого взаимодействия. Общество, ориентированное на человека, становится *заботливым* обществом [7. С. 57].

В глобализирующемся мире знание, информация перестали быть предметом обладания избранных.

Высокая концентрация символов вокруг человека: книги, брошюры, радио, телевидение, видео, Интернет, — делает информацию доступной. Этот момент ознаменовал коренную трансформацию человеческого бытия — общество стало «сетевым» [8. С. 492—506].

Сети связывают между собой людей, институты и государства. Они сжимают время и пространство, открывают границы, позволяют устанавливать контакты в любой точке земного шара. Границы не являются препятствием для электронных потоков информации. Формы пространственно-временной организации социальных связей и отношений приобрели новые очертания.

Немецкий социолог У. Бек, акцентируя внимание на радикальных трансформациях организации пространственно-временного континуума, которые принесла с собой глобализация, определяет современный нам мир как «глобус компактного времени». В нем на одной временной оси могут располагаться события разной степени важности и значения, произошедшие в различных точках земного шара. Современный мир децентрирован, в нем нет неподвижных зон — центра и периферии, а значит, отсутствует жестко фиксированная точка—центр как единственная определяющая историческое развитие. Сегодня центром всемирной истории может стать любая точка периферии, а на место периферии встать центр.

Что же касается времени, то «местное время многих регионов сжимается в единое нормированное и нормирующее всемирное время... земной шар уже

не огромен и не широк..., в нем нет дальних стран, он уплотнился и стал маленьким благодаря объединенным телекоммуникационной сетью... рынкам» [2. С. 44].

Пространство частной и публичной жизни обретает третье измерение, меняющее привычную систему координат.

Из плоскостного оно становится сферическим, позволяющим прокладывать новые пути, быстро и легко налаживать коммуникации между различными частями земного шара.

Динамичность современного мира решительным образом повлияла на характер частной жизни — из оседлой, привязанной к определенному месту жительства она превратилась в кочевую.

Жизнь современного человека — жизнь в пути: в автомобиле или самолете, у телефона или в глобальной паутине. Сегодня связи между людьми могут выходить за привычные сферы (границы) своей локализации: районы, кварталы, населенные пункты, города и мегаполисы.

Социальные сети интернет-пространства могут стать одним из мест самого близкого общения между людьми, минуя время и расстояния. Жить в одном и том же населенном пункте не означает теперь жить сообща, а жить сообща не означает жить в одном и том же месте.

В этой связи приходится говорить о «транснационализации места».

Этот феномен не только заявляет о себе повсеместно в новых связях между культурами, людьми, местами, но и определяет нашу повседневную жизнь, принося в супермаркеты едва ли известные до сих пор продукты, в города — знаки и символы иных нам культур, создает новый тип человека — космополита.

В ходе глобализации перегородки между различными сегментами мира не рушатся, а преобразуются. Они становятся проницаемыми мембранами с управляемыми токами обменов.

Первоначально главными действующими лицами глобализации выступали правительства ведущих западных государств, а также такие международные структуры, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Всемирная торговая организация (ВТО). Целью их деятельности было развитие свободного предпринимательства.

Процессы трансграничных слияний и приобретений вовлекли в свою орбиту Транснациональные корпорации (ТНК). Последние, поставив в зависимость от себя экономики национальных государств, стали не только глобальными игроками, но и фигурами, определяющими развитие экономической системы в целом, в которых глобальная экономика нашла свою институциональную форму.

Поскольку активность в экономике превосходит все остальное, нередко глобализацию отождествляют со становлением мирового хозяйства.

По мнению многих исследователей, в том числе У. Бека, сведение глобализации к экономическому измерению неправомерно. Такой сложный, комплексный процесс не может быть монокаузальным: экономика служит мотором, задает импульс развитию, но не исчерпывает его.

Интенсификация (социальных) связей, происходящая в современном мире, указывает на то, что глобализация проходит в различных срезах, аспектах. Ее оформляют «логики» развития.

Иными словами, она является многомерным процессом. Глобализируются все сферы человеческого бытия, без исключения.

В этой связи наряду с экономической глобализацией приходится говорить о политической, культурной, экологической глобализации.

Глобализируются даже частные жизни — биографии.

Бытует мнение, что по своей природе эти сферы инерционны по сравнению с экономикой. Однако это далеко не так. Ближайшим тому примером может служить экологический срез глобализации — проблемы, связанные с окружающей средой, здравоохранением (как глобальное потепление и пандемии). Они ставят перед необходимостью осознать всеобщую угрозу, которая идет от взаимосвязей, возникающих в ходе глобализации и способных быть причиной катастроф. Последнее позволяет говорить о том, что если в эпоху модернизации (доглобального состояния) объединяющим человечество началом выступала «единая логика развития», то в глобальном мире таковым выступает «динамика опасностей» (У. Бек), которая не признает ни охранных зон, ни территориальных границ. «От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века — нельзя. В этом их своеобразная культурная и политическая сила» [1. С. 5].

В научной литературе возникает понятие «общество риска» (3), отражающее особенность современного этапа исторического развития. Оно фиксирует принципиальную неустойчивость, трудную прогнозируемость развития глобального мира, рискогенность характера его существования. В ходе глобализации сложность технологических и социальных систем неизмеримо возрастает и, как следствие, выходит в зону неуправляемых рисков. Последние уходят из-под контроля как отдельных людей, так социальных групп, включая государства. В такой ситуации остро ставится вопрос об онтологической безопасности человека. «Жить в эпоху „поздней современности“ (late modernity) значит жить в мире случайности и риска — неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории» [3. С. 107].

Глобализация создает новое качество всеобщности социального бытия, которое более не укладывается в привычные рамки национально-государственных образований.

Она трансформирует тот тип общественного устройства, в котором человечество существовало и развивалось на протяжении последних столетий.

На сегодняшний день самодостаточность и суверенность национально-государственных форм практически утрачена. Глобальные системы скрепляют прежде разрозненные фрагменты целого и оказывают на них глубокое преобразующее воздействие, заключающееся в образовании единого взаимосвязанного, взаимозависимого и взаимопроникающего мира. De facto создано глобальное сообщество или мегаобщество [9. С. 31—98].

Или, используя известный образ, можно сказать, что национально-государственные образования, прежде заключенные в клетки-контейнеры (4), размыкают свои границы.

Увидеть контуры нарождающегося мегаобщества мешают стереотипные представления, заданные моделью нации-государства как единственно возможной и связанной своими корнями с Новым временем (эпоха Модерна). Преодолеть эти

стереотипы не помогают даже исторические примеры человеческих сообществ, выходящих далеко за национально-государственные рамки, как, например, великие империи древности, мировые религии, Европа позднего средневековья.

Все же в сознании современного человека национальные государства продолжают оставаться универсальной формой организации общества. Идею мегаобщества трудно принять еще и потому, что нарождающийся в нем тип социальных связей и взаимодействий не имеет аналогов в истории, соответственно, общественного опыта (5).

Однако было бы неверно полагать, что глобализационные процессы, идущие по всему миру, лишены критики и не имеют осложнений. Сегодняшнее время дает тому немало примеров. Их истоки обнаруживаются в темпоральной (временной) многомерности современного мира.

Нынешняя история человечества представляет собой развернутую в пространстве всю историю человечества от первобытнообщинного строя (например, австралийские аборигены) до постиндустриального общества (развитые страны Запада и Востока).

Выходит, что астрономическое и социальное времена не синхронны.

Соответственно, современность общества не гарантирует автоматически современность каждого отдельного индивида, в нем живущего.

Опираясь на расчеты американского социолога Э. Тоффлера, можно представить себе такую картину: 70% населения Земли живет в прошлом (разном прошлом), 25% населения — в настоящем (в современности), 3% населения — в будущем, а остальные — маргиналы, выпадающие из всякого времени.

Ситуация, которую переживает современный мир, есть не распадение времен, а их нагромождение. Это говорит о том, что в глобализирующемся мире растущая взаимозависимость носит асимметричный характер. Причиной этой асимметрии становится различие в потенциалах участников глобализации, что, в свою очередь, приводит к повышению конфликтности.

Неравенство стартовых возможностей, предопределяющее распределение ролей, закладывает семена конфликтов будущего между выигравшими и проигравшими от глобализации — фаворитами и аутсайдерами, маргиналами.

Напластовывание времен, как специфическая черта глобализирующегося мира, позволяет исследователям определить мировое общество как «многообразие без единства» (М. Элброу).

Такой взгляд на происходящие процессы поддерживает и У. Бек [2. С. 29].

В таком контексте понятие «риск» получает широкое толкование и выходит из границ политической, экономической, экологической сферы. Риск как «безбилетный пассажир» (У. Бек) переходит и в сферу человеческой коммуникации: порождает столкновения ценностных ориентаций, традиций, взаимонепонимание между людьми, культурную неприязнь, национальную нетерпимость. Связка «богатство—бедность», будучи ахиллесовой пятой глобализирующегося мира, определяет биполярность, противоречивость процессов его развития. Наряду с культурной конвергенцией — сближением культур, наблюдается культурная дивергенция — разбегание культур, их поляризация.

Основная критика глобализации обусловлена тяжестью расплаты за нее.

Рекультивация народов, не желающих отказываться от своего прошлого (тянущих историю назад в традиционализм), но одновременно видящих губительность отставания от первого эшелона стран мира, чрезвычайно мучительна.

Экономические, социальные и многие другие проблемы, связанные с повсеместным влиянием глобализма, привели к возникновению и распространению антиглобализма. В движении антиглобалистов представлены различные течения: и те, которые оспаривают глобализацию как таковую, не имея конструктивной альтернативы, и те, которые видят свою цель в поисках альтернативной модели глобализации.

Альтерглобалисты (6) выступают не против прогресса и глобализации, а за *иную* глобализацию, интегрирующую «снизу», исходящую из интереса аутсайдера, маргинала.

Однако речь идет не о том, что палач и жертва должны поменяться местами: если прежде ты выступал в качестве палача, а я — жертвы, то сегодня я — палач, ты — жертва. Речь идет о приведении глобальных процессов к симметричному состоянию, где участники глобализации были бы равнозначны и равноправны, а принятие решений осуществлялось путем диалога, а не диктата.

Но пока это только проекты. Реализуется ли эта модель или нет, покажет время. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что альтернативы глобализации нет, но есть альтернативы (варианты) в рамках глобализации. Глобализацию отменить нельзя, но возможно, более того, нужно выбрать свой путь вхождения в нее.

Можно констатировать, что процесс глобализации явился реакцией на кризис существующей цивилизации, но при этом современный этап глобализации имеет стихийный характер, с тенденцией обострения рисков.

Однако это не исключает положительных сторон этого процесса, реализация которых требует кооперации, совместного действия. Глобализация включает в себе множество возможностей, и от их выбора будет зависеть сохранение целостности и единства мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Глобализация («глобальный» лат. *globus* — шар, франц. *global* — всеобщий) — это процесс социальных изменений последнего десятилетия XX в., заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т.е. победы либерализма в общемировом масштабе), всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также в увеличении глобальной культурной связи между людьми и народами. По мнению Э. Гидденса, глобализацию следует рассматривать как процесс интенсификации социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные в большой степени определяются локальными изменениями.
- (2) Модернизация (лат. *modernus* — новый, современный) характеризует разнородные социальные процессы и явления, сопровождающиеся становлением индустриального общества западного типа, динамику движения к этой модели стран «третьего мира». Исторические корни модернизации уходят в Новое время. В последнее время в исследовательской среде модернизация все чаще характеризуется как процесс, тяготеющий к кризисам

и конфликтам, катастрофичный для всей демократической традиции, по причине выявления в нем черт новейшего авторитаризма и тоталитаризма.

- (3) Общество риска (У. Бек) — общество, возникающее в условиях глобального мира и сопровождающее его. Исторические корни общества риска уходят в индустриальное общество. Будучи детищем «менталитета эксплуатации», индустриальное общество привело не только к противопоставлению природы и человека и последующему рассогласованию этой системы, что нашло свое отражение в экологической угрозе, но и столкнулось с последствиями своего собственного функционирования, став заложником самого себя. В условиях глобализации риски обретают особое значение ввиду зависимости от транснациональных связей и отношений субъектов-участников, поливариантности, соответственно, вероятности и неопределенности характера данных процессов. Риски социально конструируются, т.е. создаются самим обществом, и возможные негативные последствия риска уравнивают всех — причастных и непримечательных к их производству.
- (4) «Контейнерная теория общества» или «контейнерная теория пространства» возникает в рамках классической традиции в социологии и связана с именами К. Маркса, М. Вебера и Э. Дюркгейма. Эта теория описывает ситуацию, характерную для доглобального состояния мира. В рамках данного подхода общество имеет «воплощенные» или «закрепленные» границы в виде территориальных границ государства. Иными словами, границы общества покрывают территориальные границы государства, соответственно, понятия общества и национального государства здесь отождествляются. Что же касается социальной организации жизненного мира в границах национально-государственного образования, то она приведена к внутреннему единству и однородности. В этой связи У. Бек замечает, что все виды социальной практики — производство, культура, язык, рынок труда, капитал, образование — стандартизируются, создаются, ограничиваются, рационализируются или хотя бы обозначаются как таковые в рамках национального государства (национальная экономика, национальный язык, литература, общественность, история) [См.: 2. С. 49].
- (5) Подробнее о формах и образах ностальгии см.: [5. С. 47—52].
- (6) Альтерглобализм (лат. *alter* — один из двух, другой) — движение, возникшее в 90-е гг. XX в., представляет собой широкое и качественно новое, интернациональное социальное движение. Его участники выступают не против прогресса и глобализации, а за иную интеграцию — интеграцию в интересах людей, культуры и природы; интеграцию, проводимую «снизу» и демократически.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [2] Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- [3] Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 107—134.
- [4] Глобалистика: Международный энциклопедический словарь / Ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. — М.: Елима — Питер, 2006.
- [5] Гречко П.К. Понятие «мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2006. — № 1(11). — С. 43—65.
- [6] Гречко П.К. Феномен глобализации как социокультурная проблема // Глобализации и мультикультурализм / Отв. ред. Н.С. Кирабаев. — М.: Изд-во РУДН, 2005.
- [7] Информационное общество как постиндустриализм: Дэниел Белл // Уэбстер Ф. Теории информационного общества. — М.: Аспект-Пресс, 2004.
- [8] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999.

- [9] *Кувалдин В.* Глобальность: новое измерение человеческого бытия // Горбачев М.С. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. — М.: Альпина Паблицер, 2003.
- [10] Транснациональные процессы: XXI век / ИСП РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научн. ред.: руковод. Г.Ю. Семигин. — М.: Современная экономика и право, 2004.

GLOBALIZATION AND PHILOSOPHICAL CHALLENGES

O.Y. Bondar

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article gives an outline of the complicity and multidimensionality of the modern period of the globalization process in terms of the philosophical analysis. The author reveals the contradictions and defects of the global processes and puts a topic on the social development models which could be alternative to the globalization.

Key words: alter-globalism, anti-globalism, globalization, glocalization, modernization, risk society, Axial Age, transnationalization of place, fragmentation.